Тополек мой в красной косынке

Автор:
Чингиз Айтматов

Тополек мой в красной косынке

Чингиз Торекулович Айтматов

«…еду я как-то в колхоз – шифер вез для нового коровника. Аил этот в предгорье, и дорога идет через степь. Все шло ничего, путь просыхал уже, до аила рукой подать осталось, и вдруг засел я на переезде через какой-то арык. Дорогу здесь с весны так избили, искромсали колесами, верблюд потонет – не найдешь. Я туда, сюда, по-всякому приноравливался – и ничего не получается. Присосала земля машину, и ни в какую, держит, как клещами. К тому же крутанул я с досады руль так, что заклинило где-то тягу, пришлось лезть под машину… Лежу там весь в грязи, в поту, кляну дорогу на все лады. Слышу, кто-то идет…»

Чингиз Айтматов

Тополек мой в красной косынке

Вместо пролога

По роду своей журналистской работы мне часто приходилось бывать на Тянь-Шане. Однажды весной, когда я находился в областном центре Нарыне, меня срочно вызвали в редакцию. Случилось так, что автобус ушел за несколько минут до того, как я прибыл на автостанцию. Следующего автобуса надо было ждать часов пять. Ничего не оставалось делать, как попытаться сесть на попутную машину. Я отправился к шоссе на окраине городка.

На повороте дороги у колонки стоял грузовик. Шофер только что заправился, завинчивал крышку бензобака. Я обрадовался. На стекле кабины был знак международных рейсов «SU» – Советский Союз. Значит, машина шла из Китая в Рыбачье, на автобазу Внештранса, откуда всегда можно добраться до Фрунзе.

– Вы сейчас отправляетесь? Подвезите, пожалуйста, в Рыбачье! – попросил я шофера.

Он повернул голову, искоса посмотрел через плечо и, выпрямившись, спокойно сказал:

– Нет, агай, не могу.

– Очень вас прошу! У меня срочное дело – вызывают во Фрунзе.

Шофер снова хмуро взглянул на меня.

– Понимаю, но не обижайтесь, агай. Никого не беру.

Я был удивлен. Кабина свободна, что стоило ему взять человека?

– Я журналист. Очень спешу. Заплачу сколько угодно…

– Дело не в деньгах, агай! – резко оборвал меня шофер и сердито толкнул ногой колесо. – В другой раз бесплатно довезу. А сейчас… Не могу. Не обижайтесь. Скоро еще будут наши машины, уедете на любой, а я не могу…

Наверно, он должен по дороге взять кого-нибудь, решил я.

– Ну а в кузове?

– Все равно… Я очень извиняюсь, агай.

Шофер посмотрел на часы и заторопился.

Крайне озадаченный, я пожал плечами и недоуменно взглянул на заправщицу, пожилую русскую женщину, которая все это время молча наблюдала за нами из окошечка. Она покачала головой: «Не надо, мол, оставьте его в покое». Странно.

Шофер полез в кабину, сунул в рот незажженную папиросу и завел мотор. Он был еще молод, лет тридцати, сутуловатый, высокий. Запомнились мне его цепкие, крупные руки на баранке и глаза с устало опущенными веками. Прежде чем тронуть машину с места, он прошел ладонью по лицу и как-то странно, с тяжелым вздохом, встревоженно посмотрел вперед, на дорогу в горах.

Машина уехала.

Заправщица вышла из будки. Она, видимо, хотела успокоить меня.

– Не расстраивайтесь, сейчас и вы уедете.

Я молчал.

– Переживает парень… История длинная… Когда-то он жил здесь у нас, на перевалочной базе…

Дослушать заправщицу мне не удалось. Подошла попутная «Победа».

Грузовик догнали мы не скоро – почти у самого Долонского перевала. Он шел с огромной скоростью, пожалуй, непозволительной даже для видавших виды тянь-шаньских шоферов. Не сбавляя скорости на поворотах, с гудящим ревом неслась машина под нависшими скалами, стремительно вылетала на подъемы и сразу точно бы проваливалась, ныряя в перепады дороги, затем снова появлялась впереди с развевающимися, хлопающими по бортам концами брезента.

«Победа» все-таки брала свое. Мы стали обгонять. Я обернулся: что за отчаянный человек, куда он так несется сломя голову? В это время хлынул дождь с градом, как это нередко бывает на перевале. В косых, секущих струях дождя и града промелькнуло за стеклом бледное, напряженное лицо со стиснутой в зубах папиросой. Круто поворачивая руль, его руки широко и быстро скользили по баранке. Ни в кабине, ни в кузове никого не было.

Вскоре после возвращения из Нарына меня командировали на юг Киргизии, в Ошскую область. Как всегда, времени у нашего брата журналиста в обрез. Я примчался на вокзал перед самым отходом поезда и, влетев в купе, не сразу обратил внимание на пассажира, который сидел, повернувшись лицом к окну. Он не обернулся и тогда, когда поезд уже набрал скорость.

По радио передавали музыку: исполнялась на комузе знакомая мелодия. Это был киргизский напев, который всегда представлялся мне песней одинокого всадника, едущего по предвечерней степи. Путь далек, степь широка, можно думать и петь негромко. Петь о том, что на душе. Разве мало дум бывает у человека, когда он остается наедине с собой, когда тихо кругом и слышен лишь цокот копыт. Струны звенели вполголоса, как вода на укатанных светлых камнях в арыке. Комуз пел о том, что скоро солнце скроется за холмами, синяя прохлада бесшумно побежит по земле, тихо закачаются, осыпая пыльцу, сизая полынь и желтый ковыль у бурой дороги. Степь будет слушать всадника, и думать, и напевать вместе с ним.

Может быть, когда-то всадник ехал здесь, по этим местам… Вот так же, наверно, догорал закат на далеком краю степи, становясь постепенно палевым, а снег на горах, так же, наверно, как сейчас, принимая последние отсветы солнца, розовел и быстро меркнул.

За окном проносились сады, виноградники, темно-зеленые закустившиеся кукурузные поля. Пароконная бричка со свеженакошенной люцерной бежала к переезду. Она остановилась у шлагбаума. Загорелый мальчишка в драной, вылинявшей майке и закатанных выше колен штанах привстал в бричке, глядя на поезд, заулыбался, помахал кому-то рукой.

Мелодия удивительно мягко вливалась в ритм идущего поезда. Вместо цокота копыт стучали на стыках рельсов колеса. Мой сосед сидел у столика, заслонившись рукой. Мне казалось, что он тоже безмолвно напевал песню одинокого всадника. Грустил он или мечтал, только было в его облике что-то печальное, какое-то неутихшее горе. Он настолько ушел в себя, что не замечал моего присутствия. Я старался разглядеть его лицо. Где же я встречал этого человека? Даже руки знакомые – смуглые, с длинными твердыми пальцами.

И тут я вспомнил: это был тот самый шофер, который не взял меня в машину. На том я и успокоился. Достал книгу. Стоило ли напоминать о себе? Он, наверно, давно уже забыл меня. Мало ли случайных встреч у шоферов на дорогах?

Так мы ехали еще некоторое время, каждый сам по себе. За окном начало темнеть. Попутчик мой решил закурить. Он достал папиросы, шумно вздохнул перед тем, как чиркнуть спичкой. Затем поднял голову, с удивлением глянул на меня и сразу покраснел. Узнал.

– Здравствуйте, агай! – сказал он, виновато улыбаясь.

Я подал ему руку.

– Далеко едете?

– Да… далеко! – он медленно выдохнул дым и, помолчав, добавил: – На Памир.

– На Памир? Значит, по пути. Я в Ош… В отпуск? Или переводитесь на работу?

– Да вроде бы так… Закурите?

Мы вместе дымили и молчали. Говорить, казалось, больше было не о чем. Мой сосед опять задумался. Он сидел, уронив голову, покачиваясь в такт движению поезда. Показалось мне, он очень изменился с тех пор, как я его видел. Похудел, лицо осунулось, три резкие, тяжелые складки на лбу. На лице хмурая тень от сведенных к переносице бровей. Неожиданно мой спутник невесело усмехнулся и спросил:

– Вы, наверно, на меня в тот раз крепко обиделись, агай?

– Когда, что-то не припомню? – Не хотелось, чтобы человеку было неловко передо мной. Но он смотрел с таким раскаянием, что мне пришлось признаться. – А-а… тогда-то… Пустяки. Я и забыл. Всякое бывает в пути. А вы все еще помните об этом?

– В другое время, может, и забыл бы, но в тот день…

– А что случилось? Не авария ли?

– Да как сказать, аварии-то не было, тут другое… – проговорил он, подыскивая слова, но потом рассмеялся, заставил себя рассмеяться. – Сейчас я бы вас повез на машине куда угодно, да только теперь я сам вот пассажир…

– Ничего, конь по одному следу тысячу раз ступает, может, еще когда-нибудь встретимся…

– Конечно, если встретимся, сам затащу в кабину! – тряхнул он головой.

– Значит, договорились? – пошутил я.

– Обещаю, агай! – ответил он, повеселев.

– А все-таки почему вы тогда не взяли меня?

– Почему? – отозвался он и сразу помрачнел. Замолчал, опустив глаза, пригнулся над папиросой, ожесточенно затягиваясь дымом. Я понял, что не надо было задавать этого вопроса, и растерялся, не зная, как исправить ошибку. Он погасил окурок в пепельнице и с трудом выдавил из себя:

– Не мог… Сына катал… Он меня ждал тогда…

– Сына? – удивился я.

– Дело такое… Понимаете… Как бы вам объяснить… – Он вновь закурил, подавляя волнение, и, вдруг твердо, серьезно глянув мне в лицо, стал говорить о себе.

Так мне довелось услышать рассказ шофера.

Времени впереди было много: поезд идет до Оша почти двое суток. Я не торопил, не перебивал его вопросами: это хорошо, когда человек сам все рассказывает, заново переживая, раздумывая, порой умолкая на полуслове. Но мне стоило больших усилий, чтобы не вмешаться в его повествование, потому что по воле случая и благодаря своей непоседливой профессии газетчика я уже знал кое-что о нем лично и о людях, с которыми судьба столкнула этого шофера. Я мог бы дополнить его рассказ и многое объяснить, но решил сделать это,

выслушав все до конца. А потом вообще раздумал. И считаю, что поступил правильно. Послушайте рассказы самих героев этой повести.

Рассказ шофера

…Началось все это совсем неожиданно. В ту пору я только что вернулся из армии. Служил в моторизованной части, а до этого окончил десятилетку и тоже работал шофером. Сам я детдомовский. Друг мой Алибек Джантурин демобилизовался годом раньше. Работал на Рыбачинской автобазе. Ну, я к нему и приехал. Мы с Алибеком всегда мечтали попасть на Тянь-Шань или на Памир. Приняли меня хорошо. Устроили в общежитии. И даже «ЗиЛ» дали почти новый, ни единой вмятины… Надо сказать, машину свою я полюбил, как человека. Берег ее. Удачный выпуск. Мотор был мощный. Правда, не всегда приходилось брать полную нагрузку. Дорога сами знаете какая – Тянь-Шань, одна из самых высокогорных автотрасс мира: ущелья, хребты да перевалы. В горах воды сколько угодно, а все равно постоянно возишь ее с собой. Вы, может, замечали, к кузову в переднем углу прибита деревянная крестовина, а на ней камера с водой болтается. Потому что мотор на серпантинах перегревается страшно. А груза везешь не так уж много. Я тоже поначалу прикидывал, голову ломал, что бы такое придумать, чтоб побольше груза брать. Но изменить вроде ничего было нельзя. Горы есть горы.

Работой я был доволен. И места нравились мне. Автобаза у самого берега Иссык-Куля. Когда приезжали иностранные туристы и часами простаивали как обалдевшие на берегу озера, я про себя гордился: «Вот, мол, какой у нас Иссык-Куль! Попробуй найди еще такую красоту…»

В первые дни одно лишь обижало меня. Время было горячее – весна, колхозы после сентябрьского Пленума набирали силы. Крепко взялись они за дело, а техники было мало. Часть наших автобазовских машин посылали в помощь колхозам. Особенно новичков вечно гоняли по колхозам. Ну, и меня тоже. Только налажусь в рейсы по трассе, как снова снимают, айда по аилам. Я понимал, что дело это важное, нужное, но я ведь все-таки шофер, машину жалко было, переживал за нее, точно это не ей, а мне самому приходилось по ухабам трястись и месить грязь по проселкам. Дорог таких и во сне не увидишь…

Так вот, еду я как-то в колхоз – шифер вез для нового коровника. Аил этот в предгорье, и дорога идет через степь. Все шло ничего, путь просыхал уже, до аила рукой подать осталось, и вдруг засел я на переезде через какой-то арык. Дорогу здесь с весны так избили, искромсали колесами, верблюд потонет – не найдешь. Я туда, сюда, по-всякому приноравливался – и ничего не получается. Присосала земля машину, и ни в какую, держит, как клещами. К тому же крутанул я с досады руль так, что заклинило где-то тягу, пришлось лезть под машину… Лежу там весь в грязи, в поту, кляну дорогу на все лады. Слышу, кто-то идет. Снизу мне видны только резиновые сапоги. Сапоги подошли, остановились напротив и стоят. Зло взяло меня – кого это принесло и чего глазеть, цирк тут, что ли.

– Проходи, не стой над душой! – крикнул я из-под машины. Краем глаза заметил подол платья, старенькое такое, в навозе перепачкано. Видно, старуха какая-то, ждет, чтобы подбросил до аила.

– Проходи, бабушка! – попросил я. – Мне еще долго тут загорать, не дождешься…

Она мне в ответ:

– А я не бабушка.

Сказала как-то смущенно, со смешком вроде.

– А кто же? – удивился я.

– Девушка.

– Девушка? – Покосился я на сапоги, спросил ради озорства: – А красивая?

Сапоги переступили на месте, шагнули в сторону, собираясь уходить. Тогда я быстро выбрался из-под машины. Смотрю, в самом деле, стоит тоненькая девушка со строгими нахмуренными бровями, в красной косынке и большом, отцовском, видно, пиджаке, накинутом на плечи. Молча глядит на меня. Я и забыл, что сижу на земле, что сам весь в грязи и глине.

– Ничего! Красивая, – усмехнулся я. Она и вправду была красивая. – Туфельки бы только! – пошутил я, поднимаясь с земли.

Девушка вдруг круто повернулась и, не оглядываясь, быстро пошла по дороге.

Что это она? Обиделась? Мне стало не по себе. Спохватился, кинулся было догонять ее, потом вернулся, быстро собрал инструмент и вскочил в кабину. Рывками, то взад, то вперед, стал раскачивать машину. Догнать ее – больше я ни о чем не думал. Мотор ревел, машину трясло и водило по сторонам, но вперед я не продвинулся ни на шаг. А она уходила все дальше и дальше. Я закричал, сам не зная кому, под буксующие колеса:

– Отпусти! Отпусти, говорю. Слышишь?

Изо всех сил выжал акселератор, машина поползла-поползла со стоном и просто чудом каким-то вырвалась из трясины. Как я обрадовался! Припустил по дороге, стер платком грязь с лица, пригладил волосы. Поравнявшись с девушкой, затормозил и, черт знает, откуда это у меня взялось, с этаким шиком, почти лежа на сиденье, распахнул дверцу:

– Прошу! – и руку вытянул, приглашая в кабину.

Девушка, не останавливаясь, идет себе дальше. Вот те на! От лихости моей и следа не осталось. Я снова догнал ее, на этот раз извинился, попросил:

– Ну не сердитесь! Я ведь так просто… Садитесь!

Но девушка ничего не ответила.

Тогда я обогнал ее, поставил машину поперек дороги. Выскочил из кабины, забежал с правой стороны, отворил дверцу и стоял так, не убирая руку. Она подошла, опасливо глядя на меня: вот, мол, привязался. Я ничего не говорил, ждал. То ли она пожалела меня, то ли еще почему – покачала головой и молча села в кабину.

Мы тронулись.

Я не знал, как начать с ней разговор. Знакомиться и говорить с девушками мне не впервой, а тут почему-то оробел. С чего бы, спрашивается? Кручу баранку, поглядываю украдкой. На шее у нее легкие, нежные завитки черных волос. Пиджак сполз с плеча, она его придерживает локтем, сама отодвинулась подальше, боится задеть меня. Глаза смотрят строго, а по всему видать, что ласковая. Лицо открытое, лоб хочет нахмурить, а он не хмурится. Наконец она тоже глянула осторожно в мою сторону. Мы встретились глазами. Улыбнулись. Тогда я решился заговорить:

– А вы зачем остановились там, у машины?

– Хотела помочь вам, – ответила девушка.

– Помочь? – засмеялся я. – А ведь и вправду помогли! Если бы не вы, сидеть мне там до вечера… А вы всегда ходите по этой дороге?

– Да. Я на ферме работаю.

– Это хорошо! – обрадовался я, но тут же поправился: – Дорога хорошая! – И как раз в эту минуту машину так тряхнуло в колдобине, что мы столкнулись плечами. Я крякнул, покраснел, не зная, куда глаза девать. А она рассмеялась. Тогда и я не выдержал, захохотал.

– А ведь мне не хотелось ехать в колхоз! – признался я сквозь смех. – Знал бы, что по дороге помощница такая есть, не ругался бы с диспетчером… Ай, Ильяс, Ильяс! – укорил я себя. – Это меня так зовут, – пояснил ей.

– А меня зовут Асель…

Мы подъезжали к аилу. Дорога пошла ровнее. Ветер бился в окна, срывая косынку с головы Асель, трепал ее волосы. Мы молчали. Нам было хорошо. Бывает, оказывается, легко и радостно на душе, если рядом, почти касаясь локтем, сидит человек, о котором час назад ты еще ничего не знал, а теперь почему-то хочется только о нем и думать… Не знаю, что было на душе у Асель, но глаза ее улыбались. Ехать бы нам долго-долго, чтобы никогда не расставаться… Но машина шла уже по улице аила. Вдруг Асель испуганно спохватилась:

– Остановите, я сойду!

Я затормозил.

– Вы тут живете?

– Нет, – она почему-то заволновалась, забеспокоилась. – Но я лучше здесь сойду.

– Зачем же? Я вас прямо к дому подвезу! – Я не дал ей возразить, поехал дальше.

– Вот здесь, – взмолилась Асель. – Спасибо!

– Пожалуйста! – пробормотал я и не столько в шутку, а скорее всерьез добавил: – А если я завтра там снова застряну, поможете?

Она не успела ответить. Калитка отворилась, и на улицу выбежала чем-то встревоженная пожилая женщина.

– Асель! – крикнула она. – Где же ты пропадаешь, накажи тебя Бог! Иди переодевайся быстрей, сваты приехали! – добавила она шепотом, прикрыв рот рукой.

Асель смутилась, уронила пиджак с плеча, потом подхватила его и покорно пошла за матерью. У калитки она обернулась, глянула, но калитка тут же захлопнулась. Я лишь теперь заметил на улице у коновязи оседланных потных лошадей, пришедших, видно, издалека. Приподнялся за рулем, заглянул через дувал. Во дворе у очага сновали женщины. Дымил большой медный самовар. Два человека свежевали под навесом баранью тушу. Да, сватов принимали здесь по всем правилам. Мне ничего не оставалось делать. Надо было ехать разгружаться.

К концу дня вернулся на автобазу. Вымыл машину, загнал ее в гараж. Долго возился, все находил какое-нибудь дело. Не понимал я, почему так близко к сердцу принял сегодняшний случай. Всю дорогу ругал себя: «Ну что тебе надо? Что ты за дурак? Кто она тебе, в конце концов? Невеста? Сестра? Подумаешь, встретились случайно на дороге, подвез к дому и уже переживаешь, будто в любви объяснились. А может, она и думать-то о тебе не хочет. Нужен ты ей

больно! Жених у нее законный, а ты никто! Шофер с дороги, сотни таких, не назнакомишься… Да и какое ты имеешь право на что-то рассчитывать: люди сватаются, свадьба будет у них, а ты при чем? Плюнь на все. Крути себе баранку, и порядок!..»

Но беда была в том, что как я ни уговаривал себя, а позабыть Асель не мог.

Делать возле машины было уже нечего. Пойти бы мне в общежитие, оно у нас веселое, шумное, красный уголок есть, а я – нет. Одному хочется побыть. Прилег на крыло машины, руки заложил за голову. Неподалеку копался под машиной Джантай. Был у нас шофер такой. Высунулся из ямы, хмыкнул:

– О чем мечтаешь, джигит?

– О деньгах! – ответил я со злостью.

Не любил его. Жмот первосортный. Хитрый и завистливый. Он и в общежитии не жил, как другие, у хозяйки какой-то на квартире. Поговаривали, жениться обещал на ней, как-никак свой дом будет.

Я отвернулся. На дворе, возле мойки, устроили возню наши ребята. Кто-то взобрался на кабину и из брандспойта поливал шоферов, ждущих очереди. Хохот стоял на всю автобазу. Струя мощная, как стукнет – закачаешься. Парня хотели стащить с кабины, а он себе приплясывает, хлещет по спинам, как из автомата, кепки сбивает. Вдруг струя метнулась вверх, изогнулась в лучах солнца, будто радуга. Смотрю, там, где струя поднимается ввысь, стоит Кадича, наш диспетчер. Эта не побежит. Держаться она умела с достоинством, к ней так просто не подступишься. И сейчас она стояла безбоязненно, спокойно. Не тронешь, мол, слабо! Отставила этак ногу в сапожке, а сама волосы прикалывает, шпильку в зубах держит, посмеивается. Мелкие серебристые брызги падают ей на голову. Ребята хохочут, подзадоривают паренька на кабине:

– Дай ей по кузову!

– Шандарахни!

– Берегись, Кадича!

Но паренек не осмеливался ее облить, только играл струей вокруг Кадичи. Я бы на его месте окатил ее с головы до ног, и, пожалуй, Кадича не сказала бы мне ни слова, посмеялась бы, да и все. Я всегда замечал, что ко мне она относилась не так, как к остальным, становилась податливой, немного капризной. Любила, когда я, заигрывая, гладил ее по голове. Мне нравилось, что она всегда спорила, ругалась со мной, но быстро сдавалась, даже если я был не прав. Иногда водил ее в кино, провожал: мне было по пути в общежитие. В диспетчерскую к ней заходил запросто в комнату, а другим она разрешала обращаться только в окошечко.

Но сейчас мне было не до нее. Пусть себе балуются.

Кадича заколола последнюю шпильку.

– Ну хватит, поиграли! – приказала она.

– Слушаюсь, товарищ диспетчер! – Паренек на кабине козырнул. Его с хохотом стащили оттуда.

А она направилась к нам в гараж. Остановилась у машины Джантая, кажется, искала кого-то. Меня она не сразу заметила из-за сетки, разделяющей гараж на отсеки. Джантай выглянул из ямы, проговорил заискивающе:

– Здравствуй, красавица!

– А, Джантай…

Он жадно смотрел на ее ноги. Она недовольно повела плечом.

– Ну, чего уставился? – и легонько ткнула его носком сапожка в подбородок.

Другой бы, наверно, обиделся, а этот нет. Просиял, будто его поцеловали, и нырнул в яму.

Кадича увидела меня.

– Хорошо отдыхается, Ильяс?

– Как на перине!

Она прижалась лицом к сетке, пристально посмотрела и тихо сказала:

– Зайди в диспетчерскую.

– Ладно.

Кадича ушла. Я поднялся и уже собрался идти. Джантай снова высунулся из ямы.

– Хороша баба! – подмигнул он.

– Да не про тебя! – отрезал я.

Я думал, что он обозлится и полезет драться. Я не любитель драк, но с Джантаем схватился бы: так тяжело было на душе, что просто не знал, куда девать себя.

Однако Джантай даже не обиделся.

– Ничего! – пробурчал он. – Поживем – увидим…

В диспетчерской никого не было. Что за черт? Куда она делась? Я обернулся и прямо грудью столкнулся с Кадичей. Она стояла, прислонившись спиной к двери, откинув голову. Глаза ее блестели из-под ресниц. Горячее дыхание обожгло мне лицо. Я не совладал с собой, потянулся к ней, но тут же отступил назад. Как ни странно, мне показалось в тот миг, что я изменяю Асели.

– Зачем звала? – спросил я недовольно.

Кадича все так же молча смотрела на меня.

– Ну?.. – повторил я, теряя терпение.

– Что-то ты не слишком приветлив, – сказала она с обидой в голосе. – Или приглянулась какая-нибудь?..

Я растерялся. Почему она упрекает меня? И откуда узнала?

В это время окошечко распахнулось. Появилась голова Джантая. Ухмылка блуждала по его лицу.

– Прошу, товарищ диспетчер! – с ехидцей протянул он, подавая Кадиче какую-то бумагу.

Она зло глянула на него. С досадой бросила мне в лицо:

– А путевку за тебя кто будет получать? Особого приглашения ждешь?

Отстранив меня рукой, Кадича быстро прошла к столу.

– На! – протянула она путевой лист.

Я взял. Путевка была в тот же колхоз. Сердце похолодело: ехать туда, зная, что Асель… Да и вообще, почему именно меня больше всех гоняют по колхозам?

Я взорвался.

– Опять в колхоз? Опять навоз да кирпичи возить? Не поеду! – швырнул я путевку на стол. – Довольно, полазил по грязи, пусть другие помотаются!..

– Не кричи! Наряд у тебя на неделю! А надо будет, еще прибавят, – рассердилась Кадича.

Тогда я спокойно сказал:

– Не поеду!

И, как всегда, Кадича неожиданно сдалась:

– Ну хорошо. Я поговорю с начальством.

Она взяла со стола путевку.

«Значит, не поеду, – подумал я, – и никогда не увижусь с Асель». Мне стало еще хуже. Я отчетливо понял, что буду каяться всю жизнь. Будь что будет – поеду!..

– Ладно, давай сюда! – выхватил я путевку.

Джантай прыснул в окошке:

– Передай привет моей бабушке!

Я ничего не сказал. По морде бы ему съездить!.. Хлопнул дверью, пошел в общежитие.

На другой день я глаза проглядел на дороге. Где она? Покажется ли ее тоненькая, как тополек, фигурка? Тополек мой в красной косынке! Тополек степной! Пусть в резиновых сапогах, в пиджаке отцовском. Ерунда. Я же видел, какая она!

Тронула Асель мое сердце, взбудоражила всю душу!

Еду, смотрю по сторонам, нет, не видно нигде. Доехал до аила, вот и ее двор, притормозил машину. Может быть, дома? Но как я ее вызову, что скажу? Эх, не судьба мне, наверно, свидеться с ней! Газанул на разгрузку. Разгружаюсь, а в душе все теплится надежда: а вдруг да и встречу на обратном пути? И на обратном пути не встретил. Тогда я завернул на ферму. Ферма у них на отшибе, далеко от аила. Спрашиваю у девушки одной. Нет ее, говорит, не выходила на работу. «Значит, нарочно не вышла, чтобы не встретиться по дороге со мной», – подумал я и очень расстроился. Унылый вернулся на автобазу.

На второй день снова в дорогу. Еду и уже не мечтаю увидеть. В самом деле, зачем я ей, зачем беспокоить девушку, если она просватана? Однако не верится

мне, что все так у нас и кончится, хотя в аилах до сих пор еще сватают девушек и выдают замуж без их согласия. Сколько раз я читал об этом в газетах! А что толку? После драки саблей не машут, выдадут замуж – назад не воротишься, жизнь поломана… Вот какие мысли бродили у меня в голове…

Весна в ту пору была в полном цвету. Земля в предгорье полыхала тюльпанами. С детства я люблю эти цветы. Нарвать бы охапку и принести ей! Поди найди ее…

И вдруг смотрю, глазам не верю – Асель! Сидит в сторонке на валуне, на том самом месте, где прошлый раз застряла моя машина. Будто поджидает кого-то! Я к ней! Она испуганно встала с камня, растерялась, косынку сдернула с головы, зажала в руке. Асель была на этот раз в хорошем платье, в туфельках. Даль такая, а она на каблучках. Затормозил я поскорее, а у самого сердце под горло подпирает.

– Здравствуйте, Асель!

– Здравствуйте! – ответила она негромко.

Я хотел помочь ей сесть в кабину, а она повернулась и медленно пошла вдоль дороги. Значит, не хочет садиться. Я тронул машину, открыл дверцу и так же медленно покатил рядом с ней. Так мы и двигались. Она по обочине, а я за рулем. Молчали. О чем говорить? Потом она спросила:

– Вы вчера приезжали на ферму?

– Да, а что?

– Так просто. Не надо приезжать туда.

– Я хотел вас видеть.

Она ничего не сказала.

А у меня на уме это проклятое сватовство. Узнать хочу, как и что. Спросить – язык не поворачивается. Боюсь. Ответа ее боюсь.

Асель глянула на меня.

– Это правда?

Она кивнула головой. У меня руль запрыгал в руках.

– Когда свадьба? – спросил я.

– Скоро, – ответила она тихо.

Я чуть было не рванул на машине куда глаза глядят. Да вместо скорости сцепление выключил. Мотор как взревет на холостых оборотах. Асель в сторону отпрянула. Я и не извинился даже. Не до этого.

– Значит, мы больше не увидимся? – говорю.

– Не знаю. Лучше не видеться.

– А я все равно… как хотите, буду вас искать!

И опять мы замолчали. Может быть, думали об одном и том же, а между нами будто стена стояла, которая не позволяла мне подойти к ней, а ей сесть в мою кабину.

– Асель! – сказал я. – Не избегайте меня. Я ничем не помешаю. Буду смотреть на вас издали. Обещаете?

– Не знаю, может быть…

– Садитесь, Асель.

– Нет. Уезжайте. Аил уже близко.

После этого мы еще встречались на дороге, каждый раз словно невзначай. И снова она идет по обочине, а я сижу в кабине. Обидно, но что поделаешь.

О женихе я не спрашивал. Неудобно, да и не хотелось. Но по ее словам понял, что она его мало знала. Он доводился каким-то родственником матери, жил в дальнем лесхозе, в горах. Их семьи издавна вели, если можно так сказать, обмен девушками, поддерживали родство между собой из поколения в поколение. Родители Асель не допускали мысли отдать ее куда-нибудь на сторону. Обо мне же и речи не могло быть. Кто я? Какой-то пришлый, безродный шоферюга. Да я и сам не посмел бы заикнуться.

Асель в те дни была неразговорчивой. Все думала о чем-то. Но я ни на что не надеялся. Судьба ее решилась, встречаться было бесполезно. Однако мы, как дети, старались не говорить об этом и встречались, потому что не могли не встречаться. Нам обоим казалось, что мы друг без друга не можем жить.

Так прошло дней пять. В то утро я был на автобазе, готовился в рейс. И вдруг вызывают в диспетчерскую.

– Можешь радоваться! – весело встретила меня Кадича. – Тебя переводят на трассу Синьцзян.

Я остолбенел. Последние дни я жил так, будто вечно буду ездить в колхоз. Рейсы в Китай многодневные, кто знает, когда смогу вырваться к Асель. Исчезнуть внезапно, даже не предупредив ее?

– Да ты, кажется, не рад? – заметила Кадича.

– А как же колхоз? – заволновался я. – Работа там еще не окончена.

Кадича удивленно пожала плечами:

– Ты же раньше сам не хотел.

Я обозлился:

– Мало ли что было раньше.

Сел на стул, сижу, не знаю, что делать.

Прибежал Джантай. Оказывается, вместо меня его направили в колхоз. Я насторожился. Джантай, наверно, откажется, ведь выработка на проселочных дорогах меньше. Но он взял путевку да еще сказал:

– Куда пошлешь, Кадича, хоть на край света! В аиле как раз баранчики поспевают, может, прихватить?

А потом увидел меня.

– Извиняюсь, я, кажется, помешал!

– Иди отсюда!.. – прошипел я, не поднимая головы.

– Ну что же ты сидишь, Ильяс? – тронула меня за плечо Кадича.

– Я должен поехать в колхоз, пошли меня, Кадича! – попросил я.

– Да ты в своем уме? Не могу я, наряда нет! – сказала она и беспокойно глянула мне в лицо. – Что это ты так разохотился туда ездить?

Я ничего не ответил. Молча вышел, отправился в гараж. Джантай проскочил мимо меня на своей машине, хитро подмигнул, чуть не задев крылом.

Я долго копался, медлил, но выхода не было. Поехал на погрузочную станцию. Там очередь небольшая.

Товарищи меня покурить звали, но я даже из кабины не вылез. Закрою глаза и представляю, как ждет понапрасну Асель на дороге. День будет ждать, два, три… Что же она подумает обо мне?

А очередь приближалась. Уже начали нагружать впереди меня машину. Через минуту и мне становиться под кран. «Прости меня, Асель! – подумал я. – Прости, тополек мой степной! – И тут вдруг мелькнула мысль: – Да я успел бы сказать ей и вернуться. Велика беда – выйду на рейс на несколько часов позже. Объясню потом начальнику автобазы, поймет, быть может, а нет – поругает. Ну, выговор объявит… Не могу я! Поеду!»

Я завел мотор, чтобы податься назад, но машины сзади стояли вплотную. Тем временем груженая машина отошла, очередь была за мной.

– Становись! Эй, Ильяс! – крикнул крановщик.

Кран занес надо мной стрелу. Все кончено! С экспортным грузом никуда не денешься. Как же я раньше не хватился? Подошел отправитель с документами. Я глянул в заднее окошко: в кузов, покачиваясь, опускался контейнер. Он все приближался и приближался. И тут я крикнул:

– Берегись!

С места рванул из-под контейнера машину, мотор был у меня не выключен. Сзади раздались крики, свист, ругань…

А я гнал машину мимо складов, штабелей досок и угольных куч. Я будто прирос к баранке. Земля заметалась, и машину и меня било из стороны в сторону. Да нам не привыкать…

Вскоре я догнал Джантая. Он выглянул из кабины и ошалело вытаращил глаза: узнал меня. И ведь видит, что спешу, значит, надо уступить дорогу, так нет, не дает проехать. Вырулил я на обочину, пошел в обгон прямо полем. Джантай тоже припустил, не дает выбраться на дорогу. Так мы и мчались: он – по дороге, я – полем. Пригнулись к баранкам, косимся, как звери, ругаемся.

– Куда ты? Зачем? – кричит он мне.

Я ему кулаком погрозил. Все же машина у меня была порожняя. Обогнал, ушел.

Асель я не встретил. Приехал в аил, запыхался, будто пешком прибежал, еле дух перевел. Ни во дворе у них, ни на улице никого не видно. Только лошадь оседланная стоит у коновязи. Что делать? Решил ждать, думаю, увидит машину, выйдет на улицу. Полез я в мотор, будто чиню что-то, а сам все время поглядываю на калитку. Долго ждать не пришлось; открывается калитка, и выходит ее мать и старик, чернобородый, грузный такой, два ватных халата на нем: нижний плюшевый, верхний вельветовый. В руке камча хорошая. Распарился, красный, видно, только что чай пил. Подошли они к коновязи. Мать

Асель почтительно придержала стремя, помогла старику взгромоздиться в седло.

– Мы вами довольны, сват! – сказала она. – Но и за нас не беспокойтесь. Для своей дочери ничего не пожалеем. Слава богу, руки наши не пусты.

– Э-э, байбиче, в обиде не будем, – ответил он, поудобней устраиваясь в седле. – Дай бог здоровья молодым. А что касается добра: не для чужих – для своих же детей. И родниться нам не впервые… Ну, будь здорова, байбиче, значит, так и порешили: в пятницу!

– Да, да, в пятницу. Святой день. Счастливого пути. Привет передавайте сватье.

«Что это они о пятнице говорят? – думаю я. – Какой день сегодня? Среда… Неужели в пятницу увезут? Эх, до каких же пор старые обычаи будут нам, молодым, жизнь ломать!..»

Старик затрусил на лошади в сторону гор. Мать Асель подождала, пока он удалится, потом повернулась ко мне, недружелюбно окинула взглядом.

– Ты чего повадился сюда, парень? – сказала она. – Здесь тебе не караван-сарай! Нечего стоять! Уезжай, слышишь? Тебе говорю.

Значит, приметила уже.

– Поломка у меня! – упрямо буркнул я и уже вовсе по пояс полез под капот. «Нет, – думаю, – никуда я не уйду, пока не увижу ее».

Мамаша еще что-то проворчала, ушла.

Я выбрался, присел на подножку, закурил. Откуда-то прибежала маленькая девочка. Скачет на одной ножке вокруг машины. На Асель немного похожа. Уж не сестренка ли?

– Асель ушла! – говорит она, а сама прыгает.

– Куда? – поймал я ее. – Куда ушла?

– А я почем знаю! Пусти! – вырвалась и на прощание язык показала.

Захлопнул я капот, сел за руль. Куда ехать, где ее искать? И возвращаться уже пора. Ползу по дороге, в степь выехал. Остановился у переезда через арык. Что делать, ума не приложу. Выбрался из кабины, повалился на землю. Тошно. И Асель не нашел и рейс сорвал… Задумался, не вижу и не слышу ничего на свете. Сколько я так пролежал, не знаю, но только поднял голову, смотрю, по ту сторону машины стоят девичьи ноги в туфельках. Она! Сразу узнал. Я так обрадовался, что даже сердце заколотилось. Встал на колени, а подняться не могу. И опять это произошло на том самом месте, где мы впервые встретились.

– Проходи, проходи, бабушка! – сказал я туфелькам.

– А я не бабушка! – подхватила Асель игру.

– А кто же ты?

– Девушка.

– Девушка? Красивая?

– А ты посмотри!

Мы разом рассмеялись. Я вскочил, бросился к ней. Она – навстречу. Остановились друг перед другом.

– Самая красивая! – говорю я. А она, как тополек молоденький на ветру, гибкая, в платье с коротенькими рукавчиками, под рукой две книжки держит. – Откуда ты узнала, что я здесь?

– А я из библиотеки шла, смотрю, на дороге следы твоей машины!

– Да ну?! – Для меня это значило больше, чем само слово «люблю». Стало быть, думала обо мне и я ей дорог, если искала след моей машины.

– И я побежала сюда, почему-то решила, что ты ждешь!..

Я взял ее за руку:

– Садись, Асель, прокатимся.

Она охотно согласилась. Я не узнавал ее. И себя не узнавал. Все тревоги, горести как рукой сняло. Были только мы, было наше счастье, небо и дорога. Я открыл кабину, посадил ее, сам сел за руль.

И мы поехали. Просто так, по дороге. Неизвестно куда и зачем. Но для нас это было неважно. Достаточно сидеть рядом, встречаться взглядами, прикасаться рукой к руке. Асель поправила мою солдатскую фуражку (я ее года два носил).

– Так красивей! – сказала она и ласково прижалась к плечу…

Машина птицей понеслась по степи. Весь мир пришел в движение, все побежало навстречу: горы, поля, деревья… Ветер бил нам в лицо – ведь мы мчались вперед, солнце сияло в небе, мы смеялись, воздух нес запах полыни и тюльпанов, мы дышали полной грудью…

Коршун-степняк, что сидел на развалинах старого кунбеза, снялся, замахал крыльями и низко поплыл вдоль дороги, как будто наперегонки с нами.

Два всадника испуганно шарахнулись в сторону. А потом с диким криком приударили вслед.

– Э-эй, стой! Остановись! – хлестали они припавших к земле коней. Кто они были, не знаю. Может, их знала Асель. Скоро они скрылись в клубах пыли.

Впереди бричка какая-то свернула с дороги. Парень и девушка привстали, увидев нас, обнялись за плечи, приветливо помахали.

– Спасибо! – крикнул я им из кабины.

Кончилась степь, вышли на шоссе, асфальт загудел под колесами.

Недалеко должно было быть озеро. Я круто свернул с дороги и прямо по целине, через кусты и травы направил машину к берегу. Остановились на взгорье, над самой водой.

Сине-белые волны, словно взявшись за руки, вереницей взбегали на желтый берег. Солнце закатывалось за горы, и дальние воды казались розовыми. Где-то на другой стороне, вдали, проступала сиреневая гряда снежных гор. Серые тучи собирались над ними.

– Смотри, Асель! Лебеди!

Лебеди бывают на Иссык-Куле только осенью и зимой. Весной они залетают очень редко. Говорят, это южные лебеди, летящие на север. Говорят, это к счастью…

Стая белых лебедей носилась над вечерним озером. Птицы то поднимались вверх, то падали вниз, распластав крылья. Садились на воду, шумно плескались, далеко разгоняя кипучие круги пены, и снова взлетали.

Потом они вытянулись в цепочку и полетели, разом взмахивая крыльями, к песчаному откосу залива на ночевку.

Мы сидели в кабине, молча смотрели. А потом я сказал так, будто мы уже все решили:

– Во-он там, видишь, крыши на берегу, это наша автобаза. А это, – я обвел рукой кабину, – это наш дом! – И рассмеялся. Везти-то ее было некуда.

Асель глянула мне в глаза, прижалась к груди, обнимает, а сама плачет и смеется:

– Родной мой, любимый! Не надо мне никакого дома. Только бы отец с матерью, ну хотя бы потом, когда-нибудь, поняли меня. Обидятся они на всю жизнь, я знаю… Но разве я виновата…

Стало быстро темнеть. Тучи застлали небо, низко опустились к воде. Озеро замерло, почернело. В горах будто электросварщик засел. То вспыхнет там –

ослепит, то погаснет. Гроза надвигалась. Недаром лебеди завернули сюда по пути. Они предчувствовали: непогода могла застигнуть их над горами.

Грянул гром. Полил дождь, шумный, мятущийся. Забормотало, закипело озеро и пошло раскачиваться, биться о берега. Это была первая весенняя гроза. И это была наша первая ночь. По кабине, по стеклам ручьями стекала вода. В черное разверзнутое озеро падали белые полыхающие молнии. А мы прижались друг к другу, разговариваем шепотом. Чувствую, Асель дрожит: не то напугана, не то замерзла. Я укрыл ее своим пиджаком, обнял покрепче и от этого показался себе сильным, большим. Никогда не думал, что во мне было столько нежности; не знал, что так это хорошо – оберегать кого-то, о ком-то заботиться. Шепнул ей на ухо: «Никому, никогда не дам тебя в обиду, тополек мой в красной косынке!..»

Гроза кончилась так же быстро, как и началась. Но по растревоженному озеру продолжали ходить буруны и накрапывал дождь.

Я достал маленький дорожный радиоприемник, единственное мое ценное имущество в ту пору. Настроил, поймал волну. Как сейчас помню, из городского театра транслировали балет «Чолпон». Из-за гор, из-за хребтов полилась в кабину музыка, нежная и могучая, как сама любовь, о которой говорилось в этом балете. Зал гремел, аплодировал, люди выкрикивали имена исполнителей, быть может, бросали цветы к ногам балерин, но никто из сидящих в театре не испытывал, я думаю, столько восторга и волнения, как мы в кабине, на берегу сердитого Иссык-Куля. Это о нас рассказывалось в этом балете, о нашей любви. Мы горячо принимали к сердцу судьбу девушки Чолпон, ушедшей искать свое счастье. Моя Чолпон, моя утренняя звезда была со мной. В полночь она уснула у меня на плече, а я долго не мог успокоиться. Тихо гладил ее по лицу и слушал, как вздыхает в глубинах Иссык-Куль.

Утром мы прибыли на автобазу. Нагоняй мне был хороший. Но когда узнали, почему я так поступил, то по случаю такого события простили. Потом еще долго смеялись, вспоминая, как я удрал из-под погрузочного крана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chingiz-aytmatov/topolek-moy-v-krasnoy-kosynke

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити